

МОТИВ НАКАЗАНИЯ ЗА ЖАДНОСТЬ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ О КЛАДАХ

НАТАЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА КОТЕЛЬНИКОВА

(Государственный республиканский центр русского фольклора: Российская Федерация,
119034, г. Москва, Турчанинов пер., д.6)

Аннотация. Статья посвящена широко распространенному в различных жанрах фольклора мотиву наказания за жадность. Показано, как он функционирует в несказочной прозе о кладах. Основой актуализации данного мотива в текстах рассказов о скрытых сокровищах служит одна из составляющих традиционного образа клада в восточнославянском фольклоре — клад является одним из видов дьявольского искушения. Выявлены различные типы рассказов, в сюжеты которых включается рассматриваемый мотив. Его наличие, как правило, отодвигает спектр жанровых признаков текста от области быличек, к которым в большинстве своем относятся рассказы о чудесных кладах, к границе с легендарной и сказочной прозой.

Ключевые слова: жадность, наказание, клад, быличка, легенда.

Мотив наказания человека за жадность связывается с сюжетами рассказов о кладах, прежде всего, потому, что и в устной, и в книжной традициях клад рассматривается не только как реальное богатство или мифологическое явление, но и как инструмент соблазнения человека дьяволом. «Аще бо или серебро, или злато скровено будет под землю, то мнозь видят огонь горящъ на том месте, то и тоже диаволу показующу сребролюбивых ради», — говорится в «Сказании о Борисе и Глебе» (цит. по: [Аристов 1867, 710]).

Идея о том, что клад является дьявольским искушением и с его помощью проверяется человек, проходит красной нитью через весь сборный рассказ об уральских кладах, который И.И. Железнов приписал рассказчику Афанасию Дмитриевичу: «Если случится, ночной порой, в поле,

в степи ли, в лугах ли — все единственно — увидеть теплющуюся свечку, то крестись, батенька, и твори молитву, да скорей беги прочь: это заклятый клад, душу твою улавливающий»¹ [Железнов 1910, 249].

Но не только огонь указывает на скрытые сокровища. Заклятые клады сами в определенные дни показываются людям. И отвечающим за человеческие души на земле приходится давать адекватный ответ нечистой силе.

«В Лепельском уезде указывают гору, за которой, по преданию, стоял замок, в подвалах которого скрыты несметные сокровища. Но владелец замка наложил на них мудреное заклятие: никак ими овладеть нельзя. В давние времена, на Купалу, эти деньги “пересушивались”: земля расступалась, были видны железные решетки, а за ними блесело золото, пересыпаясь в “анкарках”.

¹ И.И. Железнов вложил в уста этого рассказчика оригинальную теорию о различных видах кладов. Если клад положен с добрыми намерениями, то они являются животными и их можно брать без всяких опасений [Железнов 1910, 250].

Но взять их не удавалось никакими средствами.

Народ просто с ума сходил, так ксендзы, для прекращения соблазна, наложили новое заклятие, и клад являться перестал» [Богданович 1995, 113].

Клад может использоваться как приманка, для того чтобы уговорить человека сделать то, что нужно черту. Такую роль сыграл клад в одной из версий о происхождении персонажей низшей мифологии: «...старец заманил чертей в кувшин, похоронил под крестом; один хромой чертенок спрятался, видел; в кабаке уговорил пьяницу открыть кувшин, будто там спрятан клад; дьяволы взвились на небо; в это время Бог ходил по земле в лике Христа, Михаил Архангел не справился на небе один, Дьявол устроил престол на седьмом небе; Христос дал Михаилу шесть крыльев и огненный меч, Архангел изгнал с неба дьявольскую рать; кто упал в воду, стал окаянный, кто в лес — лешим, на дом — домовым, на черту меж заборов и борозду — черт, кто на шум — шут; главного Михаил Архангел приковал к стене в аду; тот застал, теперь его зовут Сатана»².

Эта же мысль прослеживается в сказке «Кулак и черт», помещенной в сборнике Бирюкова: «Жил где-то богатый мужик. Он ненавидел бедных. <...> Так думает черт и говорит мужику: “Вот что, я пришел к тебе: недалеко в лесу зарыт ящик с деньгами. Пойдем, помоги мне перетаскать в другое место. Половину тебе за труды отдам, а другую себе возьму. Согласен, что ли?” Так черт выманил мужика в лес и убил» [Бирюков 1939, 246, 247].

Другими словами, сам образ клада включает в себя определенную этическую составляющую — он может служить индикатором человеческой жадности.

Именно жадность, как правило, побуждает человека копить деньги и прятать их. Корыстолюбец не хочет давать денег своим близким или оставлять их в наследство («Грошей у неей было богато, але же сыдила вона на их и кряжыла, мов тая собака на стерви, що сама не йисть и другим не дае» [Гринченко 1897]), или у него вообще нет наследников и он пытается забрать богатство с собой на тот

свет: «Был жадный мужик. Денег было много, наследников не было никого. Он стал старый уж. Весной взял горшок, в котел деньги сложил, золото, котел положил в кошель, кошель — за плечи, и пошел ночью» [Неизданные материалы 2011, № 17].

Однако его желаниям не суждено сбыться. Вопреки его чаяниям, богатство забирает подслушавший заклятие клада, изменив слова заговора или увидев возможность выполнить условие заклятия, не предусмотренное скупцом (часто родственники достают клад руками покойного) [Гринченко 1897, 143; Едемский 1908, 214, 215; Боганева 2013, 683].

Многие накопившие деньги, и простые люди, и известные богачи, хотят унести их с собой в могилу в буквальном смысле этого слова. «Жил-был старик, у него было два сына и дочь. У старика было много денег, да и скуп он был очень. Чует, что смерть приходит. Вот он деньги и зашил в подушку. <...> “Эту подушку положите со мной в гроб”» [Из истории русской фольклористики 2007, 177].

При этом сама идея прятать деньги бывает внушена жадному человеку чертями. «Одын чоловик жыв дуже багато и назбирав багато грошей, и у його був одын сын и жинка. Вин як умирав, то до його прыйшов сын и його жинка и просят у його грошей; його жалко. Як вони одійшли, то до його прыступалы чорты и кажут:

— Ты их поковтай.

Вин и поковтав, а сынови та жинци не отдав» [Гринченко 1895, 43].

С таким человеком после смерти происходят страшные вещи. Например, приходят черты и вытряхивают из него деньги: «Тоди як умер, прыйшов чытать до його дяк и читав усю нич. Так як опивночи поросходились уси, а дяк чытав. Чорты прыйшли, узялы його за ноги, як тряхнут, а гроши й посыпались; тоди чорты и кажут дяка:

— Чтец, возьми деньги!» [Там же]³.

Но обычно скупца успевают похоронить, и уже позже желающие получить наследство родственники узнают, что деньги в гробу: находится свидетель того, как прятали деньги, или об этом сообщается во сне. Они вскрывают могилу, часто пригласив священника, и видят, что с покойником

² URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>

³ Тот же сюжет о смерти скупца: [Афанасьев 1985, 82, № 370]. Подобные рассказы встречаются и в финской мифологической прозе [Симонсуури 1991, 571].

случилось что-нибудь ужасное. «Яны аткапалі — а там і ў гэтыя, і ў нос, і ў рот наторкана дзенег... Ну, усе дзеньгі, якія былі, ва ўсе дзіркі ёй паўторківалі. І яны не ўзялі ні адной капейкі, ім такой страх стаў. І закапалі абратна, палажылі так як нада і ўсе».

— А хто ёй так панаторкаў?

— Ну чэрці ж, верна, панаторкалі. У падушке грошы былі. А яна як умірала, сказала, што от, падушку мне етую палажыце» (Зап. ад Ганны Антонаўны Ліцвінкавай, 1930 г.н., нар. у в. Асвея Верхнядзвінскага р-на, жыве ў в. Заронава, Віцебскі р-н, Віцебская вобл. Соб. А. М. Боганева. 2013 г.)⁴.

Деньги в гробу может охранять какое-либо существо (как правило, хтоническое), которое служит нечистой силе: «Решили позвать священника. Раскопали могилу — глядь, а на покойнике-то сидит, обнявши его, страшная лягуха. Плюнули и отступились. Видно, дьявол-то уж пришел к нему — нельзя уж брать деньги-то» [Из истории русской фольклористики 2007, 178].

Подобные существа часто выступают в роли охранников заклятых кладов, лежащих испокон века. Гроб с деньгами может проваливаться в землю, так же как и обычный клад: «С разрешения губернатора, в присутствии начальства и кладбищенского священника, могила Твердышова была разрыта, открыта гробовая доска, но деньги взять было нельзя, потому что вокруг головы мертвеца обвилась страшная змея и бросалась на всех, кто только близко подходил. Говорят, что священник будто бы проклял Твердышова, и он провалился в бездонную пропасть» [Садовников 1884, 363].

Жадность может быть присуща человеку изначально, а может проявиться неожиданно в определенных обстоятельствах. Непреодолимое корыстолюбие овладевает людьми тогда, когда надо принять решение о том, как разделить клад. Один из возможных подходов к решению проблемы правильного использования нечаянного богатства состоит в том, чтобы делить всё на равные части: «Только при таких кладах, что сами собой, без всякого подвоха даются, — при таких кладах следует одно правило строго настрого соблюдения: есть когда один человек нашел — один и казну бери, — двое нашли — пополам, поровну, — трое — на три части дели, — одно

слово, сколько бы человек ни нашли и какие бы люди ни были, старые ли, малые ли, все единственно, — всем по равной части: иначе клад опять уйдет в землю» [Железнов 1910, 255].

Но человек слаб, и будущие владельцы клада проявляют жадность и поэтому не получают ничего. Например, в тексте сюжетного рассказа, вырастающего из приведенного выше поверья, жители одного селения нечаянно нашли клад в виде лодки, доверху наполненной серебряными и золотыми деньгами. «Сначала решили, как и быть должно, по-христиански: разделить клад поровну по всем обывателям, кто и был тут, кто и не был, одно слово, по всем живым душам, даже и по тем младенцам, что были еще в утробе матерей. Хорошо. Дело было под вечер. Отложили раздел до утра и разошлись по домам, а к кладу приставили троих караульщиков, что ни самых лучших богобоязных казаков».

Однако ночью тем, кто не имел семьи, показалось, что их обделяют, и они «подняли гвалт». Долго шумели, но «потом решили так: есаулу, яко начальнику, дать два пая; каждому взрослому мужчине по паю, каждой женщине по полпаю, каждому мальчишке, кто на своих ногах, по четвертой доле пая, каждой девчонке и каждому грудному ребенку по восьмой доле, а нерожденным младенцам ничего!

Но лишь только решили так и ударили по рукам, как в тот же миг раздался под землей гром, треск и — зашумело!..» Клад провалился в пропасть. В конце рассказчик подводит итог: «Пожадничали казаки и всего лишились» [Там же, 255–259].

При этом не только окончательное решение не делится сокровищем, но и даже спор об этом может вызвать недовольство клада, и он уйдет навсегда.

«На следующую ночь совсем докопались до котла и начали обрывать его со всех сторон; ворожец для большего успеха дела сам подлез под котел и стал выпирать его спиной; котел с гулом поднимался, и рабочие ухватились уже за крышки его. Но в это время кладоискатели, стоявшие поодаль, заспорили насчет дележа клада — всем ли класть поровну или уделить кому больше. Котел, вышедший уже до половины, вдруг начал с шумом уходить в землю дальше и дальше. Одни оцепенели

от страха; другие уцепились было за крышку, но в их руках осталась одна земля, котел совсем исчез; вылез из земли ворожец и осыпал ругательствами поссорившихся молодцов» [Аристов 1867, 729].

Жадность может заявить о себе в процессе поисков клада.

«В сельце Слободе существует такое предание о кладе, приуроченное к одному колодезю.

Два брата с сестрою заметили клад в колодезе; тот час вместе пошли они добывать его. Сестра уснула возле колодезя в ожидании клада, а братья нарочно не будили сестру, чтоб клад достался им одним, — за такую жадность не дался клад никому и навсегда ушел из колодезя» [Добровольский, 162, 163].

Охваченный желанием получить богатство, человек может сделать попытку добыть клад, который не был ему предназначен. Попытка может оказаться удачной, и человек получит клад. Но избежать наказания ему не удастся, и оно будет хуже, чем просто ушедшее в землю сокровище. Например:

«Сестра выкопала клад, предназначенный брату, и скрыла это от него.

Тиеи ночи прыходе до Приски дивка и каже: “Ты братови не прызналась и держешь его гроши? Бодай же тебе за сердце держало, пока будешь дышать!” Захворала вона с того часу, та через год и дуба дала» [Новицкий 1908, 15].

Клад дался женщине, которую обижали в семье. Она ходила искать корову: «Теща начала было ругать ее за корову, но когда Марфа показала находку, забыла всё и отобрала у нее лобанчики. Только не впрок пошли эти деньги: через две недели она умерла, и за ней вся семья перевелась, осталась одна Марфа» [Аристов 1867, 722] (схожие рассказы [Железнов 1910, 259–262]).

Еще один вариант развития сюжета, в который включается мотив наказания за жадность, выглядит так: человек уже почти овладевает кладом, но в это время появляется некое лицо (сосед, родственник, прохожий); человек старается избежать раздела сокровища, вследствие его жадности клад исчезает.

«А в это время подходит сосед к воротам, постучался и говорит: “Эй, сват, пойдем к завтрени!” — с вечера еще они

уговорились вместе идти в церковь. Пожадничал тот: “Нет,— говорит, — не пойду. Нешто мне нездоровиться нонче”. Клад -у-у-у! в землю и ушел...» [Смирнов 1921, 16]. В некоторых вариантах прямо говорится, что прохожий, с которым не захотел делиться искатель клада, был нечистым в человеческом облике [Там же].

Подобные рассказы встречаются у различных славянских народов, например чехов:

«Крестьянка быстро вытащила горшок из земли, обергла его. Золотые монеты из него попадали на землю, потому что было их — по самые края. Ей пришло в голову, что надо этот горшок унести домой. Она закрыла его фартуком и поспешила к деревне. По дороге встретила соседей. Они в поле ехали на телеге. Окликнули ее:

“Соседушка, куда это вы так спешите? И что это у вас?”

Крестьянка сделала вид, что их не заметила. Но тут у нее из горшка упали, зазвенев, три монеты и покатались по земле. Она быстро нагнулась за ними, но поскользнулась и упала прямо под колеса телеги. Те не успели остановиться и задавили ее» [Sirovatka, Šrávková, 16] (Перевод И. Ф. Амроян)⁵.

В записях Ю. А. Новикова, сделанных от старообрядцев Литвы, тема греховности желания богатства еще сильнее заостряется. Жадность рождает у человека мысль об убийстве ради завладения кладом: «Дедушка мой в яму влез, а этот, там сверху, думает: “Он подаст мне чугуна, а я его лопатой и убью там, ага”. И деньги зашумели, загремели, и пошли, и пошли... Дед вылез с ямы, а он к нему в ноги и говорит: “Прости ты меня, говорит, я тебя хотел убить за эти деньги” И не ему, и никому» [Новиков 2005, 216]; «Докопались; котел, говорит, замурованный такой котел. Взяли яны и несут. Несут, и донесли уже до дому, и ён подумал: “Убью яну — и мне достанется его золото”. [Там же, 218].

Представления о том, что желание незаработанного богатства в виде клада может вовлечь человека в тяжкие грехи, находят отражение в легендарной прозе (см., например: [Афанасьев 1990, 141]).

Однако не всегда человек поддается соблазну. Во многих случаях он

⁵ Представления о том, что жадность, проявленная при встрече с кладом, может быть наказана, встречаются не только у славянских народов, но и, например, у цыган [Черных 2012, 124, 126].

отказывается от богатства. Например, потому, что жертва, которую нужно принести взамен, слишком велика: «Оглянувшись, она увидела, что к ней катится золотая мера или четверик. Агафья со страху не могла ступить шагу и не знала, что ей делать. Мера подбежала поближе и говорит ей: “Агафья, возьми меня себе, со мной у тебя будет чем пожить на своем веку”. Агафья сначала согласилась: отчего же не взять? Но мера отдавалась не даром. “Давай сделаем уговор”, — сказала она. “Какой же наш будет уговор?!” — спросила Агафья. “А вот какой, — отвечала мера, — отдай ты мне своего мужа и поживай в свое удовольствие”. Агафья совершенно опешила, потому что сильно любила своего мужа. Зло ее взяло, и она с досадой крикнула: “Провались ты, проклятая, в землю, да чтоб и там тебе места не было”.

Мера тотчас загремела и провалилась, так что доселе можно заметить на этом месте небольшую яму» [Аристов 1867, 721].

Набожные люди находят в себе силы победить соблазн и отказываются от кладов в силу своих убеждений: «А ей шчэ было так, у яе цёткі былі, і зналі прадзеньгі закляття. І вот цётка адна ідзець, эта тыя цёткі, што веруюшчыя, а бягуць два сабакі — бальшых-бальшых, такіх сабак і нету. Самі такія жэлтаватыя, а сьпіны чорныя. І вот падбігаюць к етай цётке, яна так махнець на іх — яны адбягуць, і яна сышла, куды ёй нада. Ну яна тожэ знала, што эта дзеньгі бягуць. Ну яны вот веруюшчыя, яны не хацелі тых дзенег. Яна знала, што трэба кінуць у іх чым, і дзеньгі рассыпаліся б. <...> Ну а дзеньгі закляття шчасця не прыносяць» (Зап. ад Ганны Антонаўны Ліцвінкавай, 1930 г.н., нар. у в. Асвея Верхнядзвінскага р-на, жыве ў в. Заронава, Віцебскі р-н, Віцебская вобл. Собр. А. М. Боганева. 2013 г.)⁶.

Мотив наказания человека за жадность может включаться в сюжеты рассказов о кладах различных типов: о захоронении сокровищ, о встрече с кладом в облике животного, человека или предмета, о попытке достать клад в виде сокровища⁷. В образе клада благодаря этому большую роль начинает играть его символическое

значение. При появлении данного мотива общая установка повествования смещается с задачи достоверного описания, подтверждения определенного суеверного представления в сферу утверждения нравственных ценностей. От человека, пытающегося взять клад, вместо обычного для быличек, к которым относится большинство рассказов о чудесных кладах, выполнения определенного условия требуется внутреннее соответствие определенной этической норме. Внимание слушателя направляется на его качества нравственного порядка — корыстолюбие, отсутствие силы духа противостоять искушению богатством или, наоборот, способность победить соблазн. При этом повествование в целом сохраняет форму достоверного описания реального события и использует те же художественные средства, что и другие мифологические рассказы.

Обычно точно указываются место и обстоятельства происходящих событий, например: «В с. Леонтьево жили в одном доме старики. Собрался как-то старик к завтрене, вышел во двор, смотрит, стоит белая корова» [Смирнов 1921, 16]; «В Куйтиной губе, в двух верстах от церкви, лежит точило с деньгами; в деревне Савдозере, близ ригачи, находится клад. Однажды крестьянин, проходя мимо этого места, увидел огонь» [Криничная 1991, 68, 69].

Герою рассказа может быть знакомый рассказчика или его родственник: «Дедушка мой пошел с товарищем деньги копать» [Новиков 2005, 216]. Для описания момента сокрытия или исчезновения клада привлекается какая-либо яркая деталь. Например, клад исчезает из-под кафтана: «Пришел третий мужик. Не желая сделать его участником в труде и при дележе сокровищ, мужики закрыли место кафтаном и на спрос пришедшего сказали, что отыскать еще ничего не могли» [Криничная 1991, № 109].

Неотъемлемой частью образных средств является акустическая характеристика поведения клада: «Сундук как застучит да из рук-то и ушел» [Смирнов 1921, 16]. Она встречается и в текстах из

⁶ Текст предоставлен Е. М. Боганевой из личного архива.

⁷ Подробнее о типологии рассказов о кладах см. работы автора статьи, например: [Котельникова 1990].

старых публикаций, и в более современных записях: «И деньги зашумели, загремели, и пошли, и пошли...» [Новиков 2005, 216]. Большую выразительность рассказу придает и часто используемый прием звукоподражания: «Токо подумал, токо — “зин-зин-зин!” — все пропало, все провалилось! Забрзготало, и все провалилось...» [Там же, 218].

Таким образом, включение мотива наказания за жадность в сюжеты быличек о кладах направляет внимание рассказчика и слушателя на нравственные проблемы, связанные с влиянием на человека перспективы быстрого получения богатства, дополняет жанровые характеристики рассказов о кладах чертами, которые сближают их с такими жанрами, как легенда и сказка.

В ряде текстов пагубная сущность незаработанных денег становится основой сюжета. В сборник братьев Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» вошел рассказ под названием «Деньги», обозначенный как «бывальщина», но по нравоучительности и аллегоричности приближающийся к притче. Начинается он так: «Пошел дедко с внуком в лес и накатилсе оболоч; грянуло из оболочу, и вывалилась куча золота» [Соколовы 1999, 446]. Дедушка с внуком мудро отказались от этих денег, сославшись на то, что у них свои есть. А барин решил их забрать. Лакеи за них убили барина. Затем один задумал отравить другого и добавил

яд в вино, которое нес им к обеду. Второй лакей выстрелил в него из пистолета, а затем случайно выпил под пьяную руку яду и умер. Рассказчик подводит итог: «Померли все три, и никому не стало надо денёг» [Там же].

Еще более ярко выраженную образность использует рассказчик в тексте со сходным сюжетом из записей Ю. А. Новикова. Он вводит дополнительного персонажа. Встреченный в лесу старик озвучивает метафору, разворачивание которой и создает повествование: «...Ехали два брата в лес, по дрова. Вот. Встречают старичка по дороге. “Здравствуйте!” — “Здравствуйте!” Ага... “Куда вы едете, ребята?” — “А вот, едем; дровишек побрать едем”. А он им и говорит: “Детки, не едьте вы этой дорогой. Обьедайте где-нибудь кругом. Там змея лежит, она, говорит, вас прожрет”» [Новиков 2005, 218]. Затем повторяется вышеизложенный сюжет: один брат убивает другого и сам умирает, съев приготовленный для него отравленный хлеб. И закольцовывается композиция возвращением к исходной метафоре: «Этот старик правильно им сказал: “Не едите этой дорогой, там змея лежит, она вас прожрёт”. И обоих прожрала...» [Там же, 219].

Итак, рассказы о кладах, включающие мотив наказания за жадность, вносят свой вклад в передачу народных представлений о нормах взаимоотношений человека с богатством⁸.

Литература

Аристов 1867 — *Аристов Н. Я.* Предания о кладах // Записки РГО по отделению этнографии. Т. 1. СПб., 1867.

Афанасьев 1990 — Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990.

Афанасьев 1985 — Народные русские сказки Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 3.

Бирюков 1936 — Дореволюционный фольклор на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1936.

Боганева 2013 — Традиційная мастацкая культура беларусаў: У 6 т. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе: У 2 кн. Кн. 2 / А. М. Боганева [і інш.]; Ідэя і агульнае рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. Мінск, 2013.

Богатство 2014 — Богатство и престиж в традиционной культуре: Материалы Тринад-

цатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2014.

Богданов 1995 — *Богданов К. А.* Деньги в фольклоре. СПб., 1995.

Богданович 1995 — Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк А. Е. Богдановича. [Гродна, 1895]. Минск, 1995.

Гринченко 1895 — Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 1. Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченко. Чернигов, 1895.

Гринченко 1897 — Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Вып. 2. Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченко. Чернигов, 1897.

⁸ Данная тема актуальна для современной гуманитаристики, см., например: [Богданов 1995; Фетиш 2013; Богатство 2014].

Едемский 1908 — *Едемский М. Б.* Из кошельских преданий // Живая старина. 1908. Вып. 1–2.

Железнов 1910 — Уральцы. Очерки быта уральских казаков: Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. Т. 3. 3-е изд. СПб., 1910.

Котельникова 1990 — *Котельникова Н. Е.* Стабильные повествовательные компоненты в несказочной прозе о кладах // Русский фольклор. 1990. Т. 30. С. 215–229.

Криничная 1991 — *Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Неизданные материалы 2011 — Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг. Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011.

Новиков 2005 — По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы / Изд. подгот. Ю. А. Новиков. СПб., 2005.

Новицкий 1908 — *Новицкий Я. П.* Запорожские и гайдамацкие клады. Александровск, 1908.

Симонсуури 1991 — *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов / Пер. с нем. [и предисл.] Н. А. Прушинской. Петрозаводск, 1991.

Смирнов 1921 — *Смирнов В.* Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XXVI. Кострома, 1921.

Соколовы 1999 — Сказки и песни Белозерского края: Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб., 1999. Кн. 1. (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 2).

Фетиш 2013 — Фетиш и табу: Антропология денег в России / Сост. А. С. Архипова, Я. Фрухтманн. М., 2013.

Черных 2012 — *Черных А. В.* Комара — хозяйка золота и хранительница кладов в традиционной культуре и фольклоре цыган-кэлдэрахов // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 120–128.

Sirovatka, Šrávková 1982 — *Devětkrát les, třikrát ves. Lidové pověsti z Hané / Původse Sirovatka O. Šrávková M.* Ostrava, 1982.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, заместитель главного редактора научного альманаха «Традиционная культура», Государственный республиканский центр русского фольклора: Российская Федерация, 119034, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6; тел.: +7 (499) 246-65-01; e-mail: tusjakot@yandex.ru

PUNISHMENT FOR GREED IN PROSE NARRATIVES ABOUT HIDDEN TREASURES

NATALIYA KOTEL'NIKOVA

(State Republican Center of Russian Folklore of the Ministry of Culture of the Russian Federation: 6, Turchaninov side-str., Moscow, 119034, Russian Federation)

Summary. This paper deals with the motif of punishment for greed and avarice, which appears widely in various genres of folklore. It is exemplified in motif's functioning in prose belief narratives about hidden treasures, primarily. This motif of trial the character gets to go through and his punishment is actualized in these narratives due to the core component of the meaning of treasures in East Slavic folklore, namely that the treasure was believed to appear as a sort of diabolic temptation. Different types of stories, that represent the punishment motif, are identified as memorates, fabulates and belief legends, that are opposed to fairy tales as oral prose genre in Russian folklore scholarship. Motif representation removes the range of genre features of the given text from the "bylichka" (memorate) genre with its 1st person mode of narration, that indicates stories about wonderful treasures, to the border of the legendary and even fabulous prose.

Key words: greed, punishment, treasure, bylicka (memorate), belief legend.

References

Aristov N. Ya. (1867) Predaniya o kladakh [Legends about Hidden Treasures]. Zapiski RGO po otdeleniyu etnografii [Notes of the Russian Geographical Society, the Department of Ethnography]. Vol. 1. St. Petersburg. In Russian.

Biryukov V. P. (comp.) (1936) Dorevol'yutsonnyy fol'klor na Urale [Pre-revolutionary Folklore in the Urals]. Sverdlovsk. In Russian.

Boganeva A. M. (comp.) (2013) Tradycyjnaja mastackaja kult'ura belarusaw [Traditional Art Culture of Belarusians]. In 2 vol. Vol. 2. Concept

and General Ed. by T. B. Varfolomeeva. Minsk. In Belarusian.

Bogdanov K. A. (1995) Den'gi v fol'klore [Money in the Folklore]. St. Petersburg. In Russian.

Bogdanovich A. M. (1995) Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov [The Remnants of the Ancient World-view among Belarusians]. [Grodno, 1895]. Minsk. In Russian.

Chernykh A. V. (2012) Komara — khozyayka zolota i khranitel'nitsa kladov v traditsionnoy kul'ture i fol'klore tsygan-kelderarov [Mosquito as the Mistress of Gold and the Hostess of Treasures in Traditional Culture of the Kalderash Gipsy]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2012. No. 3. Pp. 120–128. In Russian.

Edemskiy M. B. (1908) Iz kokshen'gskikh predaniy [From Legends of Kokshen'ga]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. 1908. Vol. 1–2. In Russian.

Fetish i tabu: Antropologiya deneg v Rossii (2013) [Fetish and Taboo: Anthropology of Money in Russia]. Comp. A. S. Arkhipov, Yu. Fruchtmann. Moscow. In Russian.

Grinchenko B. D. (1895) Etnograficheskie materialy, sobrannye v Chernigovskoy i sosednikh s ney guberniyakh [Ethnographic Materials Collected in Chernigiv and its Neighboring Provinces]. Vypusk 1. Rasskazy, skazki, predaniya, posloviytsy, zagadki i pr. [Issue 1. Stories, Tales, Legends, Proverbs, Riddles etc]. Chernigiv. In Russian and Ukrainian.

Grinchenko B. D. (1897) Etnograficheskie materialy, sobrannye v Chernigovskoy i sosednikh s ney guberniyakh [Ethnographic Materials Collected in Chernigiv and its Neighboring Provinces]. Vypusk 2. Rasskazy, skazki, predaniya, posloviytsy, zagadki i pr. [Issue 2. Stories, Tales, Legends, Proverbs, Riddles etc]. Chernigiv. In Russian and Ukrainian.

Kotel'nikova N. E. (1990) Stabil'nye povestvovatel'nye komponenty v neskazochnoy proze o kladakh [Stable Narrative Components in Believe Folk Prose about the Treasure]. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. St. Petersburg. T. 30. Pp. 215–229. In Russian.

Krinichnaya N. A. (1991) Predaniya Russkogo Severa [The Legends of the Russian North]. St. Petersburg. In Russian.

Narodnye russkie legendy A. N. Afanas'eva (1990) [Russian folk legends by A. N. Afanas'ev]. Novosibirsk. In Russian.

Novikov Yu. A. (comp.) (2005) Po zavetam stariny [According to Precepts from Antiquity]. *Mifologicheskie skazaniya, zagovory, pover'ya, bytovaya magiya staroobryadtsev Litvy* [Mythological Tales, Charms, Beliefs, Everyday Magic among Old Believers of Lithuania]. St. Petersburg. In Russian.

Novitskiy Ya. P. (1908) Zaporozhskie i gaydamatskie klady [Zaporizhzhya and Haidamak Treasures]. Alexandrovsk. In Russian.

Simonsuuri L. (1991) Ukazatel' tipov i motivov finskikh mifologicheskikh rasskazov [The Type and Motif Index of Finnish Belief Legends and Memorates]. Translated with a preface by N. A. Pruszynskaya. Petrozavodsk. In Russian.

Sirovatka On, Šrávková M. (comp.) (1982) Devětkrát les, třikrát ves. Lidové pověsti z Hané ["Nine times to the forest, three times larger the weight". Folk tales of Hané]. Ostrava. In Czech.

Skazki i pesni Belozerskogo kraja (1999) [Tales and Songs of Belozero Region] Collected by B. N. and Yu. N. Sokolov. In 2 vol. St. Petersburg. Vol. 1. In Russian.

Smirnov V. (1921) Klady, pany, razboyniki [Hoards, Lords, Robbers]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraja* [The Proceedings of Kostroma Scholarly Society for Studies of the Local Region]. Vol. XXVI. Kostroma. In Russian.

Vlasova M. N. (comp., ed.) (2001) Neizdannye materialy ekspeditsiy na Russkiy Sever 1926–1928 gg. [Unpublished Materials of Field Expeditions to the Russian North 1926–1928]. Skazki. Legendy. Bylichki. Detskiy fol'klor [Tales. Legends. Bylicheskas the Memorates. Children's Folklore]. St. Petersburg. In Russian.

Zheleznov I. I. (1910) Ural'tsy. Ocherki byta ural'skikh kazakov [The Ural Dwellers. Essays on the Everyday Life of the Ural Cossacks]. Complete Works of Ioasaph Ignatievich Zheleznov. Vol. 3. Ed. 3. St. Petersburg. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: tusjakot@yandex.ru

Tel.: +7 (499) 246-65-01

6, Turchaninov side-str., Moscow, 119034, Russian Federation

PhD (Philology), Vice Editor-in-chief of "Traditional Culture" — the Scholarly Almanac, State Republican Center of Russian Folklore of the Ministry of Culture of the Russian Federation
